

Екатерина Евграшкина (Трир)

Игры с перспективой и «полагание» субъекта: о дейксисе поэтического текста

Субъект поэтического текста – *текстовая инстанция*, которая находит свое непосредственное выражение благодаря *знакам субъекта*. Указаниями на субъект являются некоторые знаки естественного языка – прежде всего, личные и притяжательные местоимения. По Э. Бенвенисту, «я – это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы я». ¹ Он также подчеркивает, что «я не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, который его содержит, и только посредством его; оно действительно только в том единовременном речевом акте, в котором оно производится». ²

Я, таким образом, принадлежит к *реальности* речевого высказывания – как и *Ты*, которое в его взаимосвязи с *Я* получает симметричное определение: «*ты* – [это] индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы *ты*». ³ Семиотик У. Волли также указывает на *взаимобратимые отношения* (*Wechselbeziehung*) субъектов, выраженных местоимениями *я* и *ты*. ⁴

Так как литературная коммуникация опосредована, связь между пишущим и формами *Я* в его письме также будет относительной. При чтении текста реципиент обычно не воспринимает его автора как некое лицо, присутствующее здесь и сейчас, и не ведет с ним непосредственного диалога. Нарративные тексты предполагают присутствие многих инстанций *Я*, как то *рассказчик*, *наблюдатель* и проч., ⁵ однако они обычно исключают их непосредственную идентификацию с *Я* реального автора. ⁶ В поэзии, дискурсивной константой которой является смысловая неопределенность, данные нарративные инстанции *Я* нередко отсутствуют, а *Я* обретает статус *смыслового конструкта*, для которого функциональное определение Э. Бенвениста фактически неприложимо. Поэтическое *Я* может рассматриваться

¹ Бенвенист (1974, с. 287).

² Там же, с. 286.

³ Там же, с. 287.

⁴ См. Volli (2002, S. 36).

⁵ См. о знаках субъекта в нарративных дискурсах: Данилова (2001).

⁶ Это касается, прежде всего, художественных неавтобиографических текстов, однако и автобиографии, ввиду их включения в особый дискурсивный контекст, релятивируют идентификацию автора и автобиографического *Я*.

как конкретный единичный акт производства языковой формы *Я*, однако оно не отсылает к непосредственному речевому акту реально существующего лица (или даже лица фиктивного, вымышленного). Языковая перформативность поэзии позволяет говорить о поэтическом тексте как об особом и в узком смысле анонимном речевом акте, референтом которого является он сам как некое *событие языка*, а его субъект при этом обретает статус перформативного элемента.

Поэтико-перформативный потенциал местоимений в поэзии часто реализуется посредством метаязыковых элементов. Так, например, в стихотворении **Лиобы Хаппель** (Lioba Happel, род. 1957) *ich* [я] находит свое текстовое определение благодаря ряду придаточных относительных – это пример *отчужденного* поэтического субъекта:

in deiner zukunft erlosch ich
ich die ich ich war ich die ich rief

ich die ich lange rief ich die ich deinen tod sah
ich die ich sang tanzte brot ass

o mein geliebtes mädchen in china
ich die ich du bin

ich die ich deine schönheit liebte⁷

в твоём будущем я потухла
я та я что была я что я звала

я что долго звала я что видела твою смерть
я что я пела танцевала хлеб ела

о моя любимая девочка в Китае
я та я что ты

я та я что твою красоту любила

В данном стихотворении происходит крайняя релятивизация знака субъекта *я*: отсутствует конвенциональная синтагма, включающая в себя личное местоимение и соответствующую глагольную форму, вместо этого местоимение сопровождает длинный ряд придаточных относительных, которые призваны придать *я* определенное содержание. Остранение происходит посредством прямой идентификации *ich* [я] и *du* [ты] („*ich die ich du bin*“ [я та я что ты]), причем это единственный случай употребления настоящего времени (точнее, «вневременной» формы глагола-связки *sein* [быть]) по отношению к преобладающим формам претерита (*war* [была], *rief* [звала], *sah* [видела] и т.д.). Относительными предстают также сами действия субъекта: в первой

⁷ Happel (2009, S. 15).

строке обстоятельство, семантически связанное с будущим временем, при-
мыкает к предикату, выраженному претеритом („in deiner zukunft erlosch
ich“ [в твоём будущем я потухла]). Релятивизация становится общей смыс-
ловой доминантой текста; предмет поэтической рефлексии в данном случае
– поиск возможностей наполнить содержанием *пустой* знак субъекта, одна-
ко характерные уточнения посредством придаточных относительных лишь
подчеркивают его неопределенность и даже *неопределимость*: поэтический
субъект не становится конкретным и осязаемым.

Метаязыковая рефлексия на предмет знаков субъекта в немецком языке
является непосредственной темой следующих текстов **Йоко Тавады** (Yōko
Tawada, род. 1960), пишущей на японском и немецком языках. В одном из
стихотворений Й. Тавада проблематизирует отсутствие грамматической
оппозиции по отношению к *я* на фоне оппозиции *вы – ты*:

Die zweite Person Ich

Als ich dich noch siezte,
sagte ich ich und meinte damit
mich.
Seit gestern duze ich dich,
weiß aber noch nicht,
wie ich mich umbenennen soll.⁸

Я во втором лице

Когда обращалась к тебе на «вы»,
говорила «я», имея в виду
себя.
Со вчерашнего дня говорю тебе «ты»,
но все еще не знаю,
как мне себя переименовать.

Преодоление коммуникативной дистанции в отношениях двух субъектов,
дискурсивно закрепленное переходом на *ты*, может быть значимым и для
я каждого из субъектов, предполагая некие *изменения* в нем самом в связи
с новыми дискурсивными обстоятельствами. Однако язык оказывается
беспомощным, чтобы зафиксировать эти изменения *я* в самом знаке: таким
образом, в данном тексте проблематизируется статичность конвенциональ-
ного языкового знака субъекта – и необходимость его *переименования* в
рамках поэтического текста.

В другом примере поэтизируется заполнение пустых знаков субъекта в
их непосредственной соотнесенности с речевым процессом и определен-
ным референтом (в данном случае через указание на пол):

Die zweite Person

Du hast ein Geschlecht.
„Du“ hat kein Genus.
Du da!

⁸ Tawada (2011, S. 8).

Meinst du mich?

Ja!

Dann ist dein „du“ heute weiblich. [...]»⁹

Второе лицо

У тебя есть пол.

«Ты» не имеет рода.

Эй, ты!

Это ты мне?

Да!

Тогда твое «ты» сегодня женщина. [...]

Еще в одном случае проблематизируется известная *относительность* универсальности знаков субъекта – посредством указания на их неуместность в некоторых социальных контекстах (таким образом, эти знаки становятся косвенными носителями определенной семантики):

[...]

„Ich“ muss keine Steuern zahlen, denn ICH ist kein bürgerlicher Name.

„Du“ musst nicht zur Bundeswehr. Ein Soldat, der DU heißt, tötet nicht.¹⁰

[...]

«Я» не нужно платить налоги, ведь Я – это не гражданское имя.

«Ты» не нужно идти в бундесвер. Солдат, которого зовут ТЫ, не станет убивать.

Можно найти много примеров метаязыковой рефлексии на предмет сущности и значения знаков субъекта в поэтическом тексте – как в немецкой, так и в русской поэзии. Так, в качестве метода остранения может выступать грамматический нонсенс – в случаях, когда личное местоимение первого лица единственного числа «согласуется» с «объективирующей» глагольной формой третьего лица:¹¹ «я врет в каждой букве»¹² (ср. с аналогичным примером из немецкой поэзии: „in der Lukács-Konditorei / sitzt ich und schreibt“¹³ [в кондитерской Лукача сидит я и пишет]).

⁹ Там же, S. 23.

¹⁰ Там же, S. 24.

¹¹ Примечательно, что и в русском, и в немецком языках формы прошедшего времени для первого и третьего лица единственного числа совпадают: тем самым в своем «прошлом» Я некоторым образом «объективируется». Однако того же нельзя сказать о формах настоящего времени в обоих языках: непосредственно *здесь и сейчас* действующее Я отмечено индивидуальными грамматическими формами глагола, в настоящем оно именно *субъект* действия.

¹² Воробьев (2015, с. 61).

¹³ Köhler (1991, S. 13).

Другая возможность метаязыкового очуждения основывается на апофатическом отрицании знаков субъекта: «как в тот раз, когда не я мне, не ты-ты / не не-ты, не не-не-ты, когда ты [...]».¹⁴

В отношении семантической неопределенности и семиотической относительности знаков субъекта характеристика личных местоимений как «универсальных» и «пустых» знаков, предложенная Р. Бартом,¹⁵ кажется особенно релевантной для поэзии. «Пустые» или «универсальные» знаки (местоимения, местоименные наречия, артикли и проч.) получают свое содержание, встраиваясь в семиотическую систему текста и устанавливая связь с неким референтом внутри «возможного мира» художественного текста. В поэзии местоимения при этом часто имеют самореферентную функцию и являются *элементами-заменителями* (Platzhalter) соответствующих субъектных позиций в тексте, участвующих в перспективации текста и формировании дейксиса.

Мир, состоящий из четырех измерений, включающих три пространственных и одно временное, а также необходимость ориентироваться в этом мире являются неотъемлемой частью человеческого бытия, а потому находят разнообразные формы отражения и в языке. Дискурсивные узлы ориентирования включают в себя прежде всего пространственный и временной аспекты и имеют прагматическую направленность; их формирование определяется конкретной личной перспективой говорящего.

По теории К. Бюлера,¹⁶ система ориентации субъекта *Я-Здесь-Сейчас* (Hier-Jetzt-Ich-Origo) образует дейктический центр. Однако в речевом потоке центр может смещаться. Соответствующие дейктические выражения, указывающие на временные точки и отрезки, пространственное расположение и действующих в нем субъектов, функционируют в рамках конкретной речевой ситуации в непосредственном конструировании действительности¹⁷ и отсылают к уже сказанному или предвосхищают то, что еще только должно быть сказано. С точки зрения семиотики, дейктические выражения являются знаками-индексами и служат скорее средствами когезии, а не когерентности.

Дейксис складывается из нескольких *измерений*, которые можно обозначить как *пространственное* (локальное, или объективное), *временное* (темпоральное) и *личное* (субъективное). Несмотря на отсутствие непосредственной интеракции в художественном дискурсе, понятие дейксиса остается релевантным и для него: в данном случае дейксис становится основой

¹⁴ Глазова (2008, с. 105).

¹⁵ Барт (2002, с. 141).

¹⁶ Bühler (1978).

¹⁷ Больше о сущности дейксиса см. Падучева (1985), Fricke (2007).

нарративу¹⁸ и обретает новое качество *дискурсивного* или *текстового* дейксиса. Однако поэзия имеет иную нарративную природу (хотя в поэтическом тексте могут присутствовать нарративные элементы, близкие по форме эпическим) – это дает основание предполагать, что предложенная К. Бюлером система *Origo*, задающая временные и пространственные координаты бытия субъекта, будет иначе функционировать в поэтических дискурсивных процессах.

Особый интерес в связи с данной проблемой представляет собой текст К. Элиха „*Deixis und Dichtung – Linguistische Überlegungen*“ [Дейксис и поэзия – лингвистические соображения]. К. Элих указывает на то, что именно в поэзии дейксис представляет собой «специфическую проблему», а его структура может быть освоена лишь в том случае, если саму поэзию рассматривать как «особый тип речевого действия».¹⁹ Характер использования языковых средств дейксиса определяется независимостью речевого действия от коммуникативной ситуации, его *растяжимостью* (*Zerdehnung*), а также особенностями процесса *текстуализации* (*Vertextung*) в различных формах поэзии (*Verfahren der Dichtung*).²⁰

В своем исследовании К. Элих обращается к дейктическим средствам немецкого языка и показывает на примерах одного стихотворения и одного прозаического текста П. Целана (соответственно, из сборников „*Niemandsgrose*“ [Ничья роза, 1963] и „*Meridian*“ [Меридиан, 1961]), как дейктические структуры различных типов функционируют в определенном авторском дискурсе и как они выражены средствами языка. Принципиально важным для исследования поэзии представляется следующее высказывание К. Элиха о *дейктической плотности* (*Deixis-Dichte*):

Der Einsatz deiktischer Ausdrucksmittel eröffnet dem Autor einen anderen Zugang zum mentalen Bereich seines zum Leser transformierten Hörers, als ihn der Einsatz nennender Prozeduren, also Nutzung von Ausdrücken des Symbolfeldes, gestattet. Wird auf deiktische Ausdrucksmittel im erheblichen Umfang verzichtet, so verliert sich die Möglichkeit des direkten Eingriffs in die Fokussierungs- und Orientierungsmöglichkeiten des Lesers.²¹

Благодаря дейктическим средствам выражения, автору открывается иной доступ к ментальной сфере его слушателя-читателя, нежели в актах номинации (т.е. при использовании выражений, принадлежащих к символическому полю значений). При существенном отказе от дейктических средств выражения теряется возможность непосредственного воздействия на процессы ориентирования и фокусирования читателя.

¹⁸ О функциональности дейктической системы *Origo* в нарративных дискурсах см. Данилова (2001).

¹⁹ Ehlich (2009, S. 67).

²⁰ Там же, S. 71.

²¹ Там же, S. 73.

Значение имеет не столько концентрация дейктических указаний, сколько их контекстуальная целесообразность и функциональность. Поэзии, проявляющей тенденцию к культивированию смысловой неопределенности, присущи нестабильные референциальные отношения, что может стать причиной нарушения равновесия текстового дейксиса и потенциальной дезинтеграции дейктических модусов (личного, временного и пространственного). Исходя из этого, можно предположить, что на семиотическом уровне субъектные позиции, выраженные соответствующими знаками субъекта, *определяются* в большой степени (или даже исключительно) пространственным (или объективным) и временным дейктическими модусами. Это означает, что временной и пространственный модусы потенциально могут участвовать в *конституировании* субъекта, а не ограничиваться описанием бытийственных координат некоего пред-данного и автономного субъекта. В этом смысле формула *Origo* трансформируется в *(некое)-Я-посредством-Здесь-и-Сейчас*.

Подобный подход к функционированию поэтического дейксиса вряд ли применим к нарративной или эмоционально-экспрессивной лирике, предполагающим существование некоего относительно автономного субъекта, т.е. некоего *Я*, которое является непосредственным источником рефлексии и *транслирует* собственное видение мира и себя в нем. В герметичной поэзии субъект либо ставит самого себя под вопрос, либо оказывается частично или полностью дезинтегрированным во времени и пространстве, либо вовсе отсутствует (в том случае, когда субъектные позиции в тексте не эксплицированы и лишь *подразумеваются*). В данном случае «пустота» универсального знака (прежде всего личного местоимения, *воязыковляющего* категорию субъективности) заполняется в интерактивном процессе письма: конституирование субъекта происходит *здесь и сейчас*, причем на характер субъективации влияют разнообразные внутритекстовые взаимосвязи, в том числе и эксплицированные пространственный и временной модусы.

Конституирование субъекта само может стать предметом поэтической рефлексии, как мы уже видели на примере текста Л. Хаппель. С этой точки зрения, поэтический сборник **Барбары Кёлер** (Barbara Köhler, род. 1959) „Deutsches Roulette“²² [Немецкая рулетка], особенно его первые две части, может рассматриваться как своеобразный поэтический эксперимент. Локализация в ряде текстов связана с пространством *перед*, *позади* и *внутри* зеркала, которое, в свою очередь, имеет долгую культурную традицию в качестве артефакта, непосредственно отражающего субъекта и побуждающего его к саморефлексии. К пространственным маркерам в текстах относятся ключевые слова *расстояние* (Abstand), *граница* (Grenze), *переход* (Übergang) и т.д., а также дейктические указания, уточняющие положение субъекта по отношению к зеркалу. Зеркальное отражение становится простран-

²² Köhler (1991).

ственным средством *трансформации субъекта*, а также его *фрагментаризации* и даже *отрицания*.

Иначе конституирование субъекта происходит в следующем стихотворении **Лутца Зайлера** (Lutz Seiler, род. 1963):

beton

zwei graue aufmerksame kinder lehnten
oben im portal das eine
hielt die anstalt in den armen das

andere las *es war einmal*
zu früh an jedem morgen und
ein sehnen das

sich selbst nicht kannte ab-
gekniert im katzensilber im granit
der grossen schotterfläche *du*

bist mîn so standen wir und schauten
hoch für immer ab-
getauscht mit schwerer tinte an

den fingerspitzen spastischen
kapuzen-küssen *ich*
bin dîn: aus kies, zement, armierungseisen.²³

бетон

двое серых внимательных детей облокотились
на высоте портала один
все здание держал в руках

другой читал про *жили-были*
так каждым ранним утром и
тоска саму

себя не зная колени преклонила
вглубь плит из гравия в гранит
кошачье серебро *ты*

моя так мы стояли и смотрели
наверх всегда внизу
обмениваясь тяжелыми чернилами на

пальцах судорожными
поцелуями под капюшоном *я*
твой: из цемента, гравия, железа арматуры

²³ Seiler (2003, S. 49).

Пространственные маркеры *рассыпаны* по всему тексту, с ними связано и упоминание некоего *заведения* (Anstalt), также перечислены различные строительные материалы, из которых это пространство слагается (beton [бетон], granit [гранит], katzensilber [«кошачье серебро», слюда], kies [щебень, гравий], eisen [железо], zement [цемент]). Что касается восприятия пространства, то могут быть отмечены по крайней мере две перспективы: верхняя (oben, im Portal [сверху в портале]) и нижняя, откуда направлен взгляд („so standen wir und schauten / hoch“ [так мы стояли и смотрели наверх]). Смысловая неопределенность, имманентная данному тексту, имеет, однако, свои границы: так, например, при первом прочтении можно с большой степенью уверенности утверждать, что это любовное стихотворение (ср. признаки любовного сценария: karuzen-küsse [поцелуи под капюшоном], „du bist mîn – ich bin dîn“ [ты моя – я твой] и др.). Однако внимание к упомянутым текстуальным перспективам и пространственно-объективным маркерам помогает установить факт наличия автоинтертекстуальных связей данного стихотворения с рассказом Л. Зайлера „Karuzenkuss“²⁴ [Поцелуй под капюшоном], что, в свою очередь, открывает доступ к более глубоким смысловым пластам поэтического текста. Рассказ ведется от лица мальчика, и в нем повествуется о первой обоюдной влюбленности двух школьников – под молчаливым «покровительством» и «благословением» скульптуры, размещенной в портале школы:

[...] Die einzigen, denen ich am Morgen begegnete, waren die beiden braunen Steinkinder über dem Eingang zur Schule. [...] bei den Kindern im Portal handele es sich um Hans und Margarethe, die früheren Hänsel und Gretel. Sie seien die Wappenkinder der Anstalt gewesen. [...] Im Portal befand sich ein großes ovales Fenster, an dessen Einfassung die beiden Steinkinder lehnten, links Margarethe, rechts Hans [...]²⁵

[...] Первыми, кого я встречал утром, были два коричневых каменных ребенка над входом в здание школы. [...] детьми этими были Ганс и Маргарете, в прошлом – Гензель и Гретель. Они были символом здания. [...] В портале было большое овальное окно, и оба ребенка облокачивались на его выступ: слева – Маргарете, справа – Ганс [...]

Графический маркер в поэтическом тексте (курсив), который у Л. Зайлера и в других произведениях в основном маркирует пространство интертекста, во второй строфе отсылает к традиционному сказочному зачину „es war einmal“ (дословно «был некогда...», аналог в русской культуре – «жил-был»), а далее – к средневековому тексту неизвестного автора, написанному на средневерхненемецком и восходящему к XIII веку – „du bist mîn, ich

²⁴ Seiler (2009, S. 59-109).

²⁵ Там же, S. 62.

bin dîn“ [ты – моя, я – твой]²⁶ – до сих пор данный текст считается одним из старейших любовных стихотворений на немецком языке.

Обозначенные интертекстуальные связи непосредственно влияют на формирование субъективной перспективы в тексте. Возникает по крайней мере одна субъектная оппозиция, противопоставляющая коллективный субъект *wir* [мы] и два автономных, графически маркированных субъекта *ich* [я] и *du* [ты], которые, однако, вступают в отношения взаимопринадлежности, эксплицитно выраженной в тексте посредством притяжательных местоимений (я – твой, ты – моя – или наоборот). Данная субъектная оппозиция может, однако, рассматриваться и через призму идентификации, поскольку *мы* складывается из *я* и *ты*. В общем интерпретативном контексте можно также выделить взаимоналожение коллективных субъектов: *мы* каменных детей в портале и *мы* тех, кто смотрит на них снизу, – и, вполне вероятно, идентифицирует себя с ними.

В современной русской поэзии субъект и характер его *присутствия* в поэтическом тексте также нередко становятся предметом поэтической рефлексии. Так, *я* в некоторых текстах **Полины Андрукович** (род. 1969) ставит себя под вопрос, *выпадает* из заданных пространственных координат:

«весь день я провёл во мшанике,
но мшаника не было, поезд
остановился
на половине.»²⁷

Глагольная форма прошедшего времени (провел) локализует положение субъекта (во мшанике) и указывает на некий промежуток времени (весь день). Однако возникает некоторое противоречие, поскольку пространство лишено тех объективных признаков, которые были обозначены с позиции субъекта („но мшаника не было“), т.е. субъект воспринимал себя в некой *отсутствующей* точке пространства. Другой вариант интерпретации рассматривает некую *воображаемую локализацию* субъекта, которую, однако, сам субъект воспринимает как *реальную*. В этом случае имагинативное не совпадает с объективным, и в этом смысле поезд становится символом их несовпадения, поскольку он, объект поэтической объективной реальности, не достигает своей цели – мшаника, т.е. пространства имагинации. И в том, и в другом случае противоречия основываются на расхождении пространственного восприятия субъектом и самого пространства – и ставят под сомнение либо объективность пространства, либо самого субъекта.

В большинстве текстов поэтического сборника «Зимняя медицина»²⁸ (2015) **Дмитрия Воробьева** (род. 1979) практически отсутствуют знаки

²⁶ См. стихотворение и комментарий к нему: http://www1.uni-frankfurt.de/fb/fb10/IDL/ADL/mitglieder/schuhmann/30_Du_bist_m__n_pdf.pdf (25/05/2017).

²⁷ Андрукович (2014, с. 39).

²⁸ Воробьев (2015).

субъекта. Однако в тех случаях, когда личное местоимение *я* все же обнаруживается, оно часто согласуется с несоответствующей грамматической формой глагола:

[...] я мечтает говорить точно
просто

страница не найдена²⁹

[...] а когда я вернется куда
а когда я вернется зачем
а когда я вернется постой
[...]³⁰

«Объективирующая» глагольная форма, остраивающая позицию субъекта, позволяет рассматривать *я* как некий сторонний, автономный *предмет*, само присутствие и необходимость которого подвергаются сомнению (ср. вопросы *куда*, *зачем* и императив, *сдерживающий* возвращение *я* – *постой*). В другом примере очуждение *я* происходит благодаря согласованию с глагольной формой среднего рода, за счет чего *я* теряет свой *пол*: «я стало таким несносным».³¹

Для следующего текста релевантными дейктическими средствами означивания субъектных позиций являются указательные местоимения, а сами субъектные позиции определяются соотношением с пространственными и временными координатами:

Тот который падает в снег

пока тот

который падает в снег

ещё стоит
и тот

который падает в снег

еще поёт
слёг

который падает в снег

в снег

который падает в снег

²⁹ Там же, с. 57.

³⁰ Там же, с. 49.

³¹ Там же, с. 53.

который падает в снег

который падает³²

Примечательна структурная идентификация *того, который падает в снег* и самого *снега, который падает в снег*. «Объективированный» субъект под конец исчезает, пропадая под снегом и не оставляя никаких следов.

Итак, в рамках поэтического текста индексальные знаки участвуют в формировании дейксиса, однако их указательная функция полностью определяется и ограничивается данным конкретным текстом. То же самое касается и знаков субъекта: поэтический субъект в контексте смысловой неопределенности как дискурсивной доминанты – это прежде всего текстовая инстанция, конструктор, лишенный конкретного референта. К знакам субъекта относятся личные местоимения, в поэтическом тексте они являются знаками-заменителями субъектных позиций; маркируя личную перспективу, они, тем не менее, не являются непосредственной точкой отсчета дейктического центра. Субъект в герметичной поэзии часто становится перформативным элементом, его конституирование осуществляется посредством взаимодействия темпорального и локального дейктических модусов, сообщающих ему определенное *содержание*, что исключает существование пред-данного субъекта. Сам процесс конституирования субъекта может стать предметом поэтической рефлексии, в этом случае в тексте будет ярко выражен метаязыковой уровень, проблематизирующий значение «пустых» знаков – потенциальных носителей субъективности; за счет различных методов остранения, имеющих метаязыковую основу, значение и содержание знаков субъекта релятивируются. Эффекты остранения имеют и «объективирующую» функцию: субъект предстает в качестве *локализованного объекта*, который, однако, потенциально сохраняет связь со своей субъектной позицией. Для множества герметичных поэтических текстов характерен и полный отказ от знаков субъекта.

Таким образом, конституирование поэтического субъекта коррелирует с особым функционированием дейксиса в поэтическом дискурсе: субъект может быть *неопределен, неясен, недостоверен, сомнителен, дезинтегрирован или вовсе устранен* – он подвижен и подвержен изменениям, это своеобразный *Протей* – в таком же подвижном, текучем «возможном мире» поэтического текста.

³² Там же, с. 10.

Литература

- Андрукович, П. (2014): *Вместо этого мира*. М.
- Барт, Р. (2002): *Ролан Барт о Ролане Барте*. Пер. с франц. С. Зенкина. М.
- Бенвенист, Э. (1974): *Общая лингвистика*. Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова. М.
- Воробьев, Д. (2015): *Зимняя медицина*. Чебоксары.
- Глазова, А. (2008): *Петля*. Невполовину. М.
- Данилова, Н. (2001): *Знаки субъекта в дискурсе*. Самара.
- Падучева, Е. (1985): *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. М.
- Bühler, K. (1978): *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Frankfurt / Berlin / Wien.
- Ehlich, K. (2009): *Deixis und Dichtung – Linguistische Überlegungen*. In: Dannerer, M. / Mauser, P. / Scheutz, H. / Weiss, A. (Hgg.): *Gesprochen – geschrieben – gedichtet. Variation und Transformation von Sprache*. Berlin. 67-79.
- Fricke, E. (2007): *Origo, Geste und Raum – Lokaldeixis im Deutschen*. Berlin / New York.
- Happel, L. (2009): *Land ohne Land: Gedichte*. Unterschächen.
- Köhler, B. (1991): *Deutsches Roulette: Gedichte*. Frankfurt a.M.
- Seiler, L. (2003): *vierzig kilometer nacht: Gedichte*. Frankfurt a.M.
- Seiler, L. (2009): *Die Zeitwaage: Erzählungen*. Frankfurt a.M.
- Tawada, Y. (2011): *Abenteuer der deutschen Grammatik*. Tübingen.
- Volli, U. (2002): *Semiotik. Eine Einführung in ihre Grundbegriffe*. Tübingen.